

* * *

Так из сосуда испаряется вода,
так превращаются в тепло поленья,
так тает, отдавая свет, звезда, —
из плена формы уходя, теряя измерения...

В иных пределах длясь — неведомых телам, —
у смерти не прошу отсрочку.
Душа давно переросла
свою земную оболочку.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Излучины мглы и ровный рассеянный свет,
ветвление бездны безмолвной
на мириады миров, сквозь мириады лет
в моей родословной.

С прапращуром неба — с Пространством
в прямом родстве,
со всей материей Вселенной связан кровно.
В Галактику, к Солнцу, к планете протянута ветвь
моей родословной.

Движение жизни — на суше, в глубинах морей,
борение сил — и верх то праведной, то греховной,
ветвление слов до зеркальной бездонности словарей
в моей родословной.

* * *

Прочувствую и отпускаю время,
невольно к небу простирая длань.
Как далеко ему до живости шагреня, —
и холодна, и грубовата ткань.

Так землепашец мнёт в ладонях землю,
и силы все, и душу ей отдав, —
стремясь предугадать: воздаст ли, тем ли? —
определяя по составу нрав.

И снова исподволь возделываю время.
Провидя всходы, вновь мельчу в горсти.
Согрев собой, смягчив, уйду в него, как семя,
которому, погибнув, прорасти.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ИУДЕЯ К РОССИЯНАМ

Грешили и прежде, но не глумились над вечным.
И раньше хворали душой, но далью излечивал взгляд:
купола по России горели, как в храме — свечи.
Угасли, истлели. Иные — вот-вот догорят.

Забыли, забыли — чем заплатил, сиротея,
мой древний, мой гордый народ за дерзкий подлог.
Учите, учите, учите историю Иудеи,
как познан, воспет был, а после отвержен Бог.

О том же пылает кровь на российском снеге.
Учите, учите — и да прозреет незряч, —
как плач Ярославны, как «Песнь о вещем Олеге», —
эту всем песням песнь, этот всем плачам плач.

Двенадцать колен Иакова не преступали зарока, —
радели о ближних, служили Всевышнему,
Храм возвели.
И были хранимы, пока внимали пророкам
этой — навеки, казалось, — дарованной свыше земли.

Но идолам кланяться стали сыны Авраама.
А ведали — землю утратить, отдать Иордан.
Забвение Бога вело к разрушению Храма,
к скитаньям по весям чужим, по чужим городам.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ИУДЕЯ К РОССИЯНАМ

Попрание веры страшной поражения в сечи.
Пустеет в душе — выдувает и хлеб в закромах.
Купола по России горели, как в храме — свечи.
Но ветер, но ветер уже погулял на холмах.

Двенадцать угрюмых ступали державным шагом
за Тем, невидимым... Но снег так зримо алел,
что Блоку Спаситель увиделся —
и впереди, и с флагом. —
Не знал: Двенадцать вели Христа на расстрел.

И снова вещали пророки стихами Закона:
творящие идолов преданы будут суду.
...Забыли, забыли Слово, как дети Сиона.
И надо платить. И та же монета в ходу.

Низвергнутся идола, и обветшают идеи,
но будет ли снова над всеми горний свет воссиян?
Да не постигнет славян судьба иудеев.
Молю о спасении: о нерасеянье россиян.

Суля исцеленье — не болью чужой, не межою, —
взывают к единому оба Завета: и в горе, скорбя,
возлюбим Всевышнего — сердцем, всею душою —
и ближнего — как самого себя.

О ЗЕРКАЛАХ

Вернее зеркалу — сыскать
какой-то тихий угол дома
и преданно в себя впускать
своих, — домашних и знакомых.

А если нелюдим жилец,
то уцелеть уж точно проще.
Но предопределён конец
отображающего площадь.

Ему — подробно, всё подряд:
и грязь, и облик незнакомки,
и небо, и недобрый взгляд —
вобрать в себя всей плотью ломкой.

Прохожих станет раздражать —
тем, что вокруг не всё прекрасно;
что лица будет отражать
не с ретушью, а беспристрастно.

Начнёт куражиться подлец
и зеркало марать руками.
А там — подвыпивший юнец
ощерится и бросит камень.

Опять разрушится канал,
связавший дали, тверди, лица.
И в сотнях маленьких зеркал
бесстрастно небо отразится.

* * *

На доме стояла лепная фигура.
Для красоты.
И упала.
И человек погиб...
Спасёт ли мир красота?

ИЗ ЖИЗНИ КАМНЕЙ

1

Шесть утра. Невский.
То ли дождь мукóй, то ли снег...
«Товарищ, — парень в белом, —
сейчас который век?». —
Ладно скроен, кудри до плеч,
одежды сберют, ниспадая.
«Двадцатый? — удивлённо. —
Надо же, какая молодая».

Молча идём.
Попутчик — прямиком, по лужам.
На бледном лице — невысказанности мука.
«Друг, — опять ко мне, — послушай,
ты, случайно, не силён в науках?
Знать хочу: что со мной?
Радоваться ли,
бежать ли от напасти? —
Сила какая-то, без вина хмельной...».

— Что-нибудь по технической, —
спрашиваю, — части?

С улыбкой, грустно:
«Не знаю даже.
Понимаешь, я из Эрмитажа,
там на первом этаже — античное искусство...
Вот рассуди:
чего не хватает детине?
Ясно, если б афродит, вина, друзей.

Нет же, — каждую ночь
пробираюсь в Русский музей,
там девушка есть одна — на картине.
Так о большой земле
не грезит островитянин, —
тянет к ней и тянет!
Сегодня, думал, не уйду, —
есть там свободный крюк...
Может быть, это болезнь?
Сходить к эскулапу?
Веришь ли? —
Прихожу, сажусь перед нею на пол
и часами смотрю.
Так хорошо, такая отрада...
Только с ней бы радость разделить —
чтобы поровну.
Хочется улыбки её... Да хоть бы взгляда!
Она же
всё время смотрит в сторону!».

Дрогнули профиля правильные линии.
Отвернулся.
Витрину разглядывая
или себя в витрине,
постоял у магазина «Галстуки».
Оживился — и опять с вопросами:
«Может быть, я неотёсан?
Может быть, есть какая-нибудь
чувств азбука?».

Очень хотелось его поддержать.
И я проявил участие.
Но как здесь помочь?
Если бы что-нибудь по технической части...

«Что я видел раньше? —
продолжал с живостью, —
жил, как боги живут, — эгоистом.

Теперь же — поверишь? —
мёста себе не найду.
Потянулся к живописи.
Брожу вечерами по Эрмитажу.
Наведываюсь к импрессионистам...
Веками не был ничем не озабочен! —
Есть пьедестал. На нём — ты. Какие вопросы?!
И вдруг сила эта... ожидание ночи.
На острове обитал... Нет, на льдине.
Отогрелся — и лёд обратился в мягкость.
Призван к жизни девушкой на картине
и тону, не зная — радоваться или плакать...
Кто я рядом с ней? Дебил дебилом.
Понимаю, но тянусь.
Качан и тот тянется к небу...
С тобой так было?».

— Нет, — отвечаю, — не было.

«Видно, лишь с моё пожившие, —
вздыхнул, —
одержимы таким недугом.
Тебе, поди, и ста нет...
Прощай, пора мне». Шаг ускорил.
Обернулся: «Приходи, если будет туго.
Выговоришься — легче станет.
Встретить только не смогу —
днём при деле я, —
спросишь бога Диониса,
покровителя виноделия».

2

— Где у вас античное искусство?
Там где-то бог Дионис.
— Пройдёте прямо, свернёте
и по лестнице вниз...

После пестроты полотен —
сдержанность мраморного зала.
Увидал.
Сел на скамейку напротив.

Вечность пристально глядит с пьедесталов.
Час прошёл или два...
Правда: легче стало.

...Так и живу.
А ты?
Всё дожидаясь ночи?
Рядом — в пяти шагах — богиня красоты.
Тебе же бежать куда-то надо,
мучишься одиночеством.

...Уходил просветлённым —
видно, античность лечит.
Шёл не спеша —
будто открыл у вечности кредит, —
всё суетное сбросив, расправив плечи,
разглядывая мраморных афродит.
Лучше не было той, что без рук.

И вдруг...

Взгляд,
скользивший вдоль стен, по экспонатам,
вырвался за окно. А там...
улыбку сдерживая —
щадя
и меня, и античность, —
у гранитной стопы атланта
стояла девушка, спрятавшаяся от дождя.

Ошарашила жизнь! Потрясло совершенство
движений, искрящихся глаз,
укрошающего волосы жеста.

Застыл у окна с удивлённым лицом идиота.
И боги за моей спиной уже не экспонаты —
зрители.
Смотрим — и блекнут
все рукотворные красоты.
Повторить ли тебя?.. Повторить ли?!

Веками глыбы изводили,
глину и холсты —
тебя изображая.
Но улыбаешься — ты,
живая.

Ты вправе смеяться —
над мрамора гармонией,
над могильной этой тишиной,
над моей перекошенной физиономией,
над музеями мира, что старательно копят
твои талантливые копии,
над очередями к Джоконде,
над красотками в камне,
над убедительными просьбами
«Не трогать руками».

Я понял вдруг всю нелепость муляжей!
На глазах превращаются в черепки
сокровища Эрмитажа!

Вот где чудо:
задержала взгляд, улыбнулась просто —
и сильнее становлюсь, выше ростом.
Знаю, что с тобой, мраморный парень:
ты одарён. И я не бездарен. —

Пусть не рисую, ваять не умею, лепить,
но я же могу любить!
Вот, расплавилось что-то,

растеклось в груди.

— Не уходи! — кричу сквозь стекло. —
Только не уходи!

Скорее! Под дождь, на свободу!

Во мне силы атлантовы,
во мне столько таланта!..
Боже! как давят своды!

Друг мой мраморный, ввек не забуду!

Помоги же ещё немного.

Как ты выходишь отсюда?! Покажи дорогу!

* * *

Лучи скользят в окно, как в сруб колодца, —
едва-едва струится жизни ток.
Но чутко тянется наружу, к солнцу,
на подоконнике прижившийся цветок.

Как чуждо пылкое движение это
остуженному телу моему,
уже свободному и в стынь, и летом
от смутной тяги к свету и теплу.

Ему давно не нужен этот опий, —
за дивом жарким не пошлёт ладонь, —
оно снаружи не нашло подобий,
когда в груди отбушевал огонь.

Но память — чудотворное кресало:
порыв нехитрый вдруг разбередил
оплавок солнца, что в груди пылало
живей и вдохновенней всех светил.

Припомнилось, как пламенно и ново
оно, горя, живило мир вокруг;
передавалось взглядом, жестом, словом,
целить могло прикосновеньем рук.

...Лучи ли странно так свернулись в кольца,
ориентир ли потускнел в окне, —
цветок утратил устремлённость к солнцу
и потянулся листиком ко мне.

ИЗ КОСМИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

*Планета Земля,
Нью-Йорк,
маме*

Здравствуй, родная!

Ещё над планетой одной
вехой
личный флаг поднял.
Свет от костра. И вот
с тобой говорю.
А время торопит, —
мне сегодня
прóбило тридцать лет
по земному календарю.

Не беспокойся, я жив и здоров,
и пусть тебя не тревожит,
что одинок,
что быт неустроен и строг.
Край ведь не обжит, мама,
но кто-то же должен
первым пройти и наметить контуры
звёздных дорог.

Правда, местá здесь глухие,
сейчас вот — морозно и немо.
Но согревает любовь.
И твоя.
На Земле,
ты, наверное, пристально смотришь
на звёздное небо
и думаешь обо мне.

Множество дел на Земле, мол,
и прожил бы, верно, дó ста.
Больно тебя огорчать, но скажи,
как не расслышать зов звёздный,
если бездна космоса — тоже
часть души?

Как стремиться к теплу и выгодам,
если исправен счастья компас,
если предстартов сердца отсчёт? —
рывок — и ушла из-под ног Земля.
Так неизбежен выход
в открытый космос
из космического корабля.

Ты не тревожься, —
просто не смею с жизнью расстаться я.
Выдержу. Права такого нет — отгореть:
в сердце — начало дороги,
сердце — начальная станция.
Мама, да и мыслима ли смерть?

Разве сыщется по мне — и зал,
и траурная рама?
Мне всё кажется, что жизнь — Вселенная:
до края не дойти.
Недра души ведь неистощимы,
как здешние залежи минералов.
И свет от любви
разве не вечно в пути?

...Догорел костёр. Но и под звёздами
скачут строчки мои по странице.
Ночь бездонная сбегает с кончика пера —
и письмо нескончаемо.
Так всегда: начну —

и трудно остановиться.
Это от долгого молчания.

За разлуку не кори;
когда вернусь — не знаю точно.
Но общаться обещаю,
письма жди.
Может быть, наладят скоро
космическую почту,
и не будешь ты высматривать
метеоритные дожди.